

СТАЛИНСКИЕ РЕПРЕССИИ: КРАТКИЙ ОБЗОР СОВЕТСКОЙ И КАЗАХСТАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Ильясов Ш.А., доктор философии, ассистент профессора
Бодеев К.Т., доктор философии, ассистент профессора
Карагандинский университет им. академика Е.А.Букетова
Караганда, Казахстан

Проблематика сталинских политических репрессий в Казахстане не является «белым пятном» в новейшей историографии. Современные отечественные исследователи внесли значительный вклад в анализ данных явлений. Однако следует отметить, что большинство авторов не ставили перед собой задачу изучения сталинских репрессий в историографическом плане. Особо следует отметить необходимость в проведении историографических исследований проблемы сталинских политических репрессий в советской исторической науке.

Исследования, посвященные изучению проблем советской истории эпохи сталинизма, в настоящее время весьма обширны. Можно констатировать, что в историографии относительно проблем изучения сталинских репрессий, исследователями выделяются два этапа: первый этап (советский) характеризовался хронологическими рамками с 1930-х гг. до начала 1990-х гг.; второй этап (современный) ограничивался рамками с 1991 г. по настоящее время. На наш взгляд, такая периодизация представляется довольно упрощенной, так как в период становления казахстанской государственности историкам представлялось вполне целесообразным дифференцирование истории XX в. на две эпохи, где стержневым критерием являлся распад СССР и формирование на его базе современной Республики Казахстан. На сегодняшний день существует определенная потребность отстраниться от устоявшихся принципов периодизации, а историографическую базу, посвященную изучению истории сталинских политических репрессий, необходимо расширить и детализировать в силу динамичности исторического процесса и связанного с ним творческого мышления исследователей. В этой связи нам представляется условно выделить в советской историографии несколько этапов, которые позволят более детально, взвешенно и объективно подойти к рассмотрению вопросов, касающихся политики репрессий сталинизма. Важно обратить внимание на то, что комплекс исследований проблемы в рамках каждого из выделенных нами периодов отличается некоторой спецификой. К числу таких специфических характеристик относятся: круг рассматриваемых в исследовании вопросов, характер и степень полноты освещения проблемы, насыщенность и разнообразие источниковой базы и т.д.

На первом этапе советской историографии (1930-е – середина 1950-х гг.) историографические работы по проблеме носили крайне ограниченный характер по причине жесткой политической цензуры. В целом этот период может быть охарактеризован как «теория заговоров», которые беспрестанно «раскрывали» советские карательные органы [1]. Публикации рассматриваемого периода носили идеологический и официальный характер. Во многих работах исследователей того времени красной нитью отмечалась мысль о великих заслугах И.В. Сталина, его гениальности, счастливой жизни советских граждан в СССР. Ярким тому подтверждением стал «Краткий курс истории ВКП(б)», изданный с октября 1938 г. по октябрь 1952 г. общим тиражом 40 млн экземпляров на русском и других языках народов СССР, который по сути должен был компенсировать отсутствие в 1930–1940-е гг. научных исследований по истории советского общества. В историографических работах 1940-х – начала 1950-х гг. «Краткий курс» был охарактеризован как «блестящий синтез развитых товарищем Сталиным исторических идей» [2, с. 638].

Одним словом, в «Кратком курсе» была изложена целостная концепция истории советского общества с 1917 по 1938 г. Кроме того, «Краткий курс» определил методологический подход, на основе которого историки должны были изучать историю советского общества. Руководство большевистской партии – главный фактор успешного осуществления плана построения социализма [2, с. 339].

Основываясь на идеологических постулатах о классовой борьбе, сопротивлении свергнутых сил и необходимости их подавления, в «Кратком курсе» давалось полное оправдание политическим действиям правящего режима. В соответствии с этим подходом репрессии против различных социальных элементов рассматривались в качестве закономерной и необходимой меры в интересах народа и строительства социализма в СССР, т.е. репрессии со стороны советской власти были «продуктом» чрезвычайной обстановки [2].

Одним словом, советская историческая наука под руководством И.В. Сталина смогла выстроить достаточно логичную цепь доказательств необходимости уничтожения так называемых буржуазных классов. Согласно этой логике СССР был экономически и культурно отсталой в сравнении с развитыми капиталистическими державами страны. Он находился в капиталистическом окружении, поэтому угроза новой иностранной военной интервенции с целью реставрации буржуазно-помещичьего строя сохранялась. Единственной надежной гарантией сохранения целостности и независимости СССР могло стать превентивное уничтожение остатков «буржуазных элементов». Следовательно, репрессии, если исходить из концепции «Краткого курса», являются жизненной необходимостью.

Представления о государстве как орудии насилия разделяли и известные в то время идеологи большевизма. Н.И. Бухарин в работе «Теория пролетарской диктатуры» рассматривал данную диктатуру как «форму власти, наиболее резко выражающую классово-репрессивный характер этой власти» [3]. Помимо этого, хорошо известно бухаринское мнение о том, что «пролетарское принуждение во всех его формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как ни парадоксально это звучит, методом выработки коммунистического человеческого материала капиталистической эпохи» [4, с. 139].

Альтернативной точкой зрения следует назвать работы одного из вождей Октябрьской революции Л.Д. Троцкого, который массовые политические репрессии в Советском Союзе объяснял тем, что И.В. Сталин являлся узурпатором власти в стране, «предателем дела революции», стремившимся уничтожить верных соратников по партии и последователей В.И. Ленина. Л.Д. Троцкий обвинял в организации репрессий в стране только «вождя народов» [5].

В общем можно сделать вывод о том, что вопросы, касающиеся политических репрессий в стране, оставались закрытой темой для всех исследователей рассматриваемого периода в силу идеологических и политических факторов.

Второй этап (середина 1950-х – середина 1960-х гг.) советской историографии характеризуется сложными и неоднозначными событиями, обусловленными смертью И.В. Сталина и периодом правления Н.С. Хрущева.

В 1950-е гг. после смерти И.В. Сталина в стране начался процесс частичной трансформации государства. Позитивные перемены охватили тогда практически все сферы общественной жизни. Государственной властью были сделаны шаги в ликвидации последствий репрессивного террора сталинского режима, в частичном восстановлении законности и правопорядка.

Характерной чертой публикаций рассматриваемого периода истории явился перенос всей степени тяжести вины за развязывание политических репрессий на личность И.В. Сталина, что, конечно, не отражало объективных тенденций демократизации советского руководства и общества в целом.

В феврале 1956 г. состоялся XX съезд КПСС, на котором Н.С. Хрущев озвучил доклад «О культуре личности и его последствиях». В докладе он осудил практику массовых репрессий в СССР, датировал их начало 1934 г., тем самым из числа преступлений сталинского режима исключались «раскулачивание» и депортации крестьянских хозяйств, политические репрессии начала 1930-х гг. С этого времени в политическом поведении И.В. Сталина и тех, кто действовал вместе с ним, стали выделять отдельные негативные моменты, тогда как политика партии в целом признавалась правомерной и отвечающей ленинским идеологическим принципам [6, с. 19–67].

Возложение вины за развязывание репрессий только на И.В. Сталина и его ближайшее окружение в рассматриваемый период объяснялось тем, что Н.С. Хрущев стремился исключить свою причастность к политическому террору, умело используя расстрельные списки в аппаратной борьбе [6, с. 38–39]. Отсюда критика сталинизма не обрела широкого размаха, а была заключена в рамки государственной идеологизации. Достоверная информация о политических репрессиях по-прежнему была строго дозированной и преподносилась советскому обществу с санкции высшего партийно-государственного руководства страны.

В 1960 г. в период «хрущевской оттепели» М.В. Нечкина высказала свое мнение об итогах изучения истории советского общества. К тому же следует сказать, что именно статья М.В. Нечкиной «О периодизации истории советской исторической науки» положила начало дискуссии о периодизации истории советской исторической науки. Аргументируя свою периодизацию, она, в частности, отметила, что для 1934–1956 гг. характерно «отставание исторической науки от задач современности, ошибки, связанные с культом личности. К этим ошибкам, имевшим тяжелые последствия, относится, например, сильная заторможенность в исследовании советского общества... недостаточное внимание к роли народных масс, гипертрофия интереса к отдельным избранным историческим личностям» [7, с. 83–89]. Однако далее санкционированного «сверху», формального «разоблачения» культа личности в то время дело не дошло.

Специалист по проблеме развития советской исторической науки в период «хрущевской оттепели» Л.А. Сидорова обратила внимание на то, что среди характерных черт десятилетия «оттепели» можно выделить, во-первых, отказ от сталинского прочтения истории и стремление к ее переосмыслению на основе оценок и методологического инструментария, содержащихся в ленинских работах; во-вторых, включение в научный оборот больших документальных массивов [8, с. 3–4].

В начале 1960-х гг. Ю.С. Борисов, делая обзор состояния и некоторых задач изучения истории социалистического и коммунистического строительства, подтвердил точку зрения М.В. Нечкиной о состоянии советской исторической науки, отметил, что комплексное исследование истории советского общества еще не развернуто [9, с. 264]. Тем более не могла быть поставлена в тот период проблема сталинских политических репрессий.

В целом документы и материалы рассматриваемого второго этапа советской историографии по-прежнему не отражали сути, методов и отношения научной общественности к такому «белому пятну» советской исторической науки, как политические репрессии 1928–1953 гг.

Третий этап советской историографии охватывает середину 1960-х – середину 1980-х гг. В это время советская историческая наука по-прежнему открыто и полно проблему сталинских политических репрессий не освещала. Данное обстоятельство объясняется особенностью государственной политики высшего партийно-государственного руководства, возглавляемого Л.И. Брежневым.

В середине 1960-х – середине 1980-х гг. в стране имела место ограниченная критика личности И.В. Сталина. Некоторые советские историки стремились в своих работах показать негативную роль сложившегося в период правления И.В. Сталина культа личности и его отрицательное влияние на дальнейшее политическое развитие советской страны.

В рассматриваемый период самое непосредственное отношение к практике политического террора в отношении граждан СССР имел второй том работы С.П. Трапезникова «Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос» [10].

Подводя итог анализу историографической традиции периода середины 1960-х – середины 1980-х гг., можно отметить ограниченность исторической мысли рамками официальной идеологии. Наличие доктринальных установок брежневского руководства, реанимация некоторых элементов сталинского социализма не позволяли открыто и широко говорить в стране о проблемах сталинских политических репрессий. В то же время публикации представителей русской эмиграции за рубежом наглядно демонстрировали проблему кризиса правящей власти в СССР.

Четвертый этап развития советской историографии начинается с середины 1980-х гг. Он был связан с политическими преобразованиями М.С. Горбачева и имел место вплоть до событий августа 1991 г. и последовавшего за ним распада СССР. Приход к власти М.С. Горбачева в 1985 г. привел к ускоряющейся трансформации во всех сферах советского государства и общества. Новый генеральный секретарь ЦК КПСС и его ближайшее окружение повели политику, направленную на формирование социализма с «человеческим лицом» [11, с. 24]. В этой связи началась кампания критики той модели социально-экономического и политического развития, которая была создана в 1930-е гг. усилиями центрального партийного аппарата и прежде всего И.В. Сталина [11, с. 39].

В «перестроечной» историографии тема сталинских политических репрессий становится самостоятельным объектом изучения. Однако во многом в этот период для нее характерен обличительный и эмоциональный пафос оценки репрессивной политики в СССР. Это объясняется тем, что помимо профессиональных историков, анализом проблемы занимались публицисты, журналисты и другие неспециалисты. При рассмотрении историографии второй половины 1980-х – начала 1990-х гг. проблемы политических репрессий периода сталинской диктатуры можно выделить два основных подхода.

В указанный период утвердилось мнение, что массовые репрессии явились отступлением И.В. Сталина и его ближайшего окружения от принципов построения социализма, провозглашенных В.И. Лениным.

Так, Д.А. Волкогонов считает, что отход от ленинизма у И.В. Сталина выразился в несвоевременном использовании методов террора периода Гражданской войны, их механическое перенесение в то время, когда уже не было тех, против кого их можно было применять. Исследователь считает, что «репрессировались прежде всего те люди, которые понимали буквально указание Ленина о том, что нет другого пути к социализму, кроме как через демократизм, через политическую свободу. Эти люди не хотели питаться суррогатами сталинского толкования ленинизма. Остальные попадали в жернова репрессий попутно, по касательной. Одни работали под началом «врагов народа», другие их вовремя не разоблачили, третьи пособничали им в чем-то, о чем они даже сами не догадывались» [12]. Отсюда главную направленность репрессий Д.А. Волкогонов видит в уничтожении, кроме личных врагов Сталина, истинных приверженцев ленинизма среди функционеров партии и государства.

Исследователи Л.А. Гордон и Э.В. Клопов понимают под направленностью репрессий уничтожение самой среды, где могла зародиться оппозиция формирующемуся режиму, которая была представлена: «Во-первых, категориями, оппозиционными советской власти, во-вторых, поддерживающими досталинские советские политические порядки... Репрессии превратились в неотъемлемый элемент поддержания деспотического режима, стали «подсистемой страха в государстве». Репрессии, проводившиеся в предвоенное и послевоенное время, помимо того, что они представляли собой незаконное злодеяние, были злодеянием, совершенно ненужным ни для создания современной промышленности, ни для победы в войне» [13, с. 195].

В целом, подводя итог, можно сказать, что для советской историографии характерна односторонность не только в освещении фактов и оценок, но и в умолчании целого ряда

явлений и сторон репрессивной политики. Характерно, что те качества, которые снижают научную ценность советского историографического наследия, одновременно наделяют его свойствами источника, отразившего официальную политику и действия власти. Но только с началом политики «перестройки» во второй половине 1980-х гг. проблема репрессивной политики периода сталинизма стала самостоятельным предметом исторических исследований.

В современной казахстанской историографии исследователи в своих трудах рассмотрели идейные и политические истоки репрессий в Казахстане, особое внимание уделили насильственной коллективизации, которая разрушила традиционную систему экономики, дали анализ директивных методов политического режима, раскрыли особенности и последствия, проведенных социально-экономических экспериментов тоталитарного режима в Казахстане, показали последствия индустриальной модернизации для казахского народа, рассказали о роли ОГПУ в подавлении крестьянских восстаний. В данной группе мы решили дать общую характеристику казахстанских исследований без деления на периоды.

Научные труды отечественных историков рубежа XX-XXI веков явились новой страницей в историографии Казахстана. Одним из первых исследователей, внесшим весомый вклад в ликвидацию «белых пятен» в истории Казахстана, был М. Козыбаев [14]. Трагедия 1930-х годов, постигшая казахский народ, стала известна благодаря публикации Ж. Абылхожина, М. Козыбаева, М. Татимова [15]. М. Козыбаевым выделены существенные черты казарменного социализма в Казахстане, он по-новому взглянул на историографию и историческую науку Казахстана и сделал широкий анализ ее направлений и основных тенденций. Все его работы содержали концептуальное переосмысление опыта изучения проблем истории Казахстана.

М. Козыбаев отмечает, что с конца 1930-х годов Казахстан стал превращаться в «сталинскую тюрьму народов». Каждый пятый житель Казахстана был спецпереселенцем, высланным как по социальным, так и по политическим признакам [16, с. 28]. Значительный вклад в методологию вносят труды С. Мажитова, занимающегося прикладными исследованиями приоритетных направлений исторической науки Казахстана, в частности можно отметить «Современную историю Казахстана» [17].

Освещение политических репрессий главным образом сводится к реконструкции биографий казахских ученых, политических деятелей, творческой интеллигенции. Современная казахстанская библиография изобилует примерами персонификации исторического пространства, прежде всего за счет представителей казахской интеллигенции начала прошлого века [18], наиболее зримо подкреплявших своими биографиями этнополитический романтизм и актуализированные признаки досоветской идентичности. Они активно используются для становления нового самосознания и патриотизма (регионально-журовая стратификация этноса, номадизм, ислам).

Их биографии складывались в эпоху кардинальных перемен и революционных потрясений в жизни казахского общества и особенно зримо воплощают наиболее характерные черты того периода, который имеет слишком важные последствия и по настоящее время. Трагические судьбы выдающихся национальных деятелей оправдывают этнографическую ностальгию и идеализированные стереотипы самопрезентации современных интеллектуалов и общественных активистов, подкрепляют чувства исторической обиды, гордости и в то же время закономерности современной государственной самостоятельности Казахстана.

Публикация нелицеприятных фактов о поведении некоторых признанных в советское время национальных героев в межгрупповой борьбе и в условиях репрессий подчас приводила к ожесточенным дебатам между историками и сторонниками «невинной чистоты» персонажа, а также его родственниками.

Сын советского деятеля Ураза Джандосова – Али Джандосов, решил на весьма интересный и серьезный анализ сложнейшей ситуации взаимодействия большевистской

доктрины социализма с этнополитической культурой казахов. Он справедливо указывает на сомнительность доказательной базы материалов следствия по делам националов в качестве источников и неправомочность распространившегося в казахской историографии искусственного сближения идейных позиций деятелей движения Алаш и первой когорты казахов-большевиков, выступавших с критикой радикализма советских преобразований в республике (С. Ходжанов, У. Джандосов, С. Садвокасов). Следует отметить и важный вывод А. Джандосова: национальные компоненты политической позиции таких казахов-коммунистов, проявивших себя как социальные реформаторы, были увязаны с социалистической идеей как привлекательной формулой мирового общественного прогресса.

А. Джандосов считает, что уже в 1927 г. Сталин совершил поворот от ленинской национальной политики к русской национально государственной традиции с коммунизированной великодержавностью [19].

Сегодня продолжают появляться новые отечественные труды и исследования, сборники документов об этих трагических страницах советской истории. До сих пор история сталинских репрессий, коснувшаяся казахстанцев, вызывает интерес не только у ученых, но и общественных кругов, так как правда о трагедии остается в народной памяти, о ней необходимо помнить, чтобы не повторились негативы недавнего прошлого, антигуманные социальные эксперименты и игнорирование прав и свобод человека. Следует отметить? Что казахстанские исследователи внесли значительный вклад в изучение истории репрессивной политики советского государства.

Список литературы

- 1 Рубинштейн Н.Л. Русская историография. – М., 1941. – 642 с.
- 2 История ВКП (б). Краткий курс. – М., 1946. – 352 с.
- 3 Бухарин Н.И. Теория пролетарской диктатуры. – М., 1988. – 130 с.
- 4 Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. – М., 1989. – 511 с.
- 5 Троцкий Л.Д. Преступления Сталина. – М., 1994. – 211 с.
- 6 О культе личности и его последствиях // Реабилитация: политические процессы 30–50-х годов / под ред. А.Н. Яковлева. – М., 1991. – 428 с.
- 7 Нечкина М.В. О периодизации истории советской исторической науки / М.В. Нечкина // История СССР. – 1960. – №1. – 151 с.
- 8 Сидорова Л.А. Оттепель в советской исторической науке. Советская историография первого послесталинского десятилетия / Л.А. Сидорова. – М., 1997. – 288 с.
- 9 Историография социалистического и коммунистического строительства в СССР / под ред. М.П. Кима, Ю.С. Борисова. – М., 1962. – 276 с.
- 10 Трапезников С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. Т. 2: Исторический опыт КПСС в осуществлении ленинского кооперативного плана / С.П. Трапезников. – М., 1974. – 622 с.
- 11 Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. – М., 1988. – 270 с.
- 12 Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия: Политический портрет И.В. Сталина. – Барнаул, 1990. – 484 с.
- 13 Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30–40-е годы. – М., 1989. – 319 с.
- 14 Козыбаев М. Тоталитарный социализм: реальность и последствия. – Алматы: Фонд «XXI век», 1997. – 28 с.
- 15 Абылхожин Ж., Козыбаев М., Татимов М. Казахстанская трагедия // Вопросы истории. — № 7. – С.53-71.
- 16 Козыбаев М. Тоталитарный социализм: реальность и последствия. – Алматы: Фонд «XXI век», 1997. – 186 с.

17 Мажитов С. Ф. Современное состояние и перспективы развития исторической науки Казахстана и России. – Алматы: Тарихтағылымы, 2008. – 424 с.

18 Акбаев Ж. Жанша. КүнбатысАлашорданыңтөрағасы Ж. Досмұхамедұлытуралытарихиәңгіме. – Орал қаласы, 1994. – 219 б.; Асылбеков М.Х. Алихан Букейхан – общественно-политический деятель и ученый. – Алматы: Оркениет, 2003. – 148 с.

19 Джандосов А.У. Дихотомия «классового» и «национального» в реформаторской деятельности У.К. Джандосова: Историографические и теоретические аспекты (1925–1927 гг.) // У.К. Джандосов и особенности социокультурного развития Казахстана в 1918–1938 гг.: Материалы научной конференции (Алматы, 21 мая 2009 г.). – Алматы, 2010. – С. 56–132.

1920-1930 ЖЫЛДАРДАҒЫ ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ КЕҢЕСТІК САЯСИ РЕПРЕССИЯЛАР МӘСЕЛЕЛЕРІ

Шахаев А.Ж. п.ғ.м аға оқытушы

Орынбекова Р.Ж. п.ғ.м. оқытушы

Академик Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті
Қазақстан Республикасы, Қарағанды қ.

XX–ғасырда КСРО-ның саяси дамуы тікелей большевиктер қолында болды. Большевиктер мемлекет басына келісімен саяси ахуалды өз партиясының саяси платформасы арқылы дамытуға тырысты. Адам құқығының тапталуы мақсатында жүргізілген орасан зор саяси репрессия КСРО – ның саяси менталитетіне үлкен әсер етті. Халықтың санасы биліктің құлдық саясатына ыңғайланды. Сананы билеуде мемлекет жүйесі басты орынға шықты.

КСРО құрамында болған халықтардың барлығы большевиктердің саяси репрессиялар құрбандарына айналды. Бұл оқиғалардан Қазақстан да алшақ қалған жоқ. Қазақстанда саяси репрессиялар былай жүрді:

1. Қазақстан – КСРО-ның лагерлер жүйесінің көлемді бөлігіне айналды. Қарағанды еңбекпен түзеу лагерінің филиалдары бүкіл қазақ жерін қамтыды (Қарлаг, Жезказғанлаг, АЛЖИР, Степлаг, Спаск еңбекпен түзеу лагері және т.б.).

2. Республика кеңес халықтарының депортациялану аймағына айналды. 1933-1950 жылдар аралығында қазақ жеріне көптеген ұлттар өкілдері жер аударылды («кулактар», «сенімсіз халықтар», «профашистік» ойдағы халықтар).

3. Қазақ халқы басқа халықтар секілді тоталитаризм құрбандарына айналды. Кеңестік реформалар (конфискация, коллективизация, оседание, голод 1921-22 гг., 1932-1933 гг.) үлкен зардаптарға әкелді. Сонымен қатар, жаппай репрессиялар нәтижесінде жеке тұлғалар қудаланып, атылды.

Осылайша, кеңестік саяси репрессиялар біздің елімізді де қамтыды. Кеңестік саяси репрессия мәліметтері көптеген жылдар бойы ашық түрде жарияланбады. Тоталитарлық жүйенің іргесінің сөгілуі ең бірінші тарихи оқиғаларды зерттеуге деген ынтаның артуына алып келді.

1930-1950 жылдары кеңестік қоғамда орнаған саяси режим кезінде мемлекеттің адамға абсолюттік билігі орын алды. Қазақстанда да барлық елдегі сияқты, мемлекеттік билік бір партияның қолына жинақталды. Тоталитарлық режимнің өзіне тән сатысы – экономикаға мемлекеттік-партиялық билік белең алды. Меншіктің мемлекеттік формасы коммунистік партияға республиканың экономикалық дамуын мемлекет мүддесіне сай бұра тартуға мүмкіндік әперді. Өнеркәсіпті құру және ауыл шаруашылығындағы колхоз-совхоз жүйесі халық шаруашылығы жоспарының есебі бойынша жүргізілді. Бұл жоспардың жасалу принципі кеңестік мемлекет мүддесін ұлттық республикалар мүддесінен жоғары